

*П. Н. Базанов**

**К ГРЯДУЩЕЙ АТЛАНТИДЕ — ТРЕТЬЕЙ РОССИИ:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НАРОДНИКОВ-МЕССИАНИСТОВ****

В статье анализируются общественно-политические взгляды одной из самых экзотических политических организаций Русского Зарубежья — народников-мессианистов (третьероссов). Реконструирована история этого политического течения. Выявлены основные идеологические постулаты, показана самобытность и оригинальность. Раскрыто отношение к христианству, славянофильству и наследию Петра I. Основной акцент сделан на их отношении к решению национального вопроса в России, синтезу народов. Так же обоснована позиция третьероссов по отношению к интервенции и поражению в будущей войне. Затрагивается их критика нацизма, как величайшей опасности для народов России. Обоснована роль лидера организации П. С. Боранецкого. Исследуется история журналов народников-мессианистов «Третья Россия» и «Свершения», являющихся важным источником их взглядов.

Ключевые слова: П. С. Боранецкий, пореволюционеры, народники-мессианисты, третьероссы, поражение, оборончество, национальный вопрос, русская эмиграция, Петр I.

P. N. Bazanov

**TOWARD THE COMING ATLANTIS — THE THIRD RUSSIA:
POLITICAL AND PUBLISHING ACTIVITIES OF THE MESSIANIST POPULISTS**

The article analyzes the socio-political views of one of the most exotic political organizations in the Russian Abroad — the Messianic Narodniks (Third Russian). The history of this political trend has been reconstructed. Their main ideological postulates are revealed, their originality and originality are shown. The article reveals the attitude to Christianity,

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВП Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@list.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00783 «Социально-философская и политическая просветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века»

Slavophilism and the legacy of Peter I. The main attention is paid to their attitude to the solution of the national question in Russia, the synthesis of peoples. The position of the Third Russians in relation to intervention and defeatism in a future war is also substantiated. Their criticism of Nazism is touched upon as the greatest danger to the peoples of Russia. The role of the leader of the organization P. S. Boranetsky. The history of the magazines of the populist-messianists «Third Russia» and «Accomplishments», which are an important source of their views, is investigated.

Keywords: P. S. Boranetsky, post-revolutionaries, messianic populists, third Russians, defeatism, defencism, the national question, Russian emigration, Peter I.

Одна из самых экзотических политических организаций Русского Зарубежья, группа Народников-Мессианистов П. С. Боранецкого окончательно выделилась из пореволюционного движения в начале 1930-х гг. Официальное периодическое издание народников-мессианистов — журнал «Третья Россия» (Париж, 1932–1939. — № 1–9) неоднократно менял подзаголовки: № 1 — «орган пореволюционного синтеза», № 2 — «орган исканий нового синтеза» и с № 3 — «орган осуществления нового синтеза». Номера журнала выходили не периодически, с большим опозданием из-за материальных затруднений издателей. Название журнала тоже было символичным. В честь него это течение и получило более распространенное название — группа «Третья Россия» («третьероссы»). В редакционной статье, открывавшей первый номер, так объяснялись переименование группы и основные философские основы журнала, как органа идеологического течения.

Понятием Синтеза определяются и наши установки Третьей России. (Под таким названием «Группы Тр.[етья] Р.[оссия]», начала свое существование гр.[уппа] Народников-Мессианистов. Распространенность теперь подобного рода представлений о смене фаз в нашем историческом существовании, говорит, что основная линия взятая нами, была правильна). «Первую», до-революционную Россию условно рассматривать как «тезу», (положение), а «Вторую», Революционную Россию (во всех ее этапах и направлениях), как отрицание первой, как «антитезу», то грядущая пореволюционная Третья Россия должна явиться не только творческим преодолением дореволюционной и революционной России, но и органическим вмещением, Синтезом того лучшего, положительного, что было в первой и второй России [16, с. 6].

Главой группы и редактором-издателем журнала, идеологом этого течения пореволюционной мысли был Петр Степанович Боранецкий (Баранецкий) (1900 — не ранее 1965) — философ и публицист, в 1928 г. бежавший из СССР. Известными авторами журнала, кроме П. С. Боранецкого (в том числе под псевдонимом П. Мартин), были евразийцы Н. Н. Алексеев и Н. А. Клепиков, из других сами «третьероссы»: Н. Барский, С. Бережной, Н. Былов, Д. Даренко, И. Дворецкий, С. Никулин, Н. Тургенева. Принципиальной отличительной чертой третьероссов от всех остальных пореволюционных течений были их отрицательное отношение к христианству и вера в науку и технику. Поэтому новгородцы принципиально не принимали участие в их журнале, именно из-за антихристианства. Как точно заметила Н. А. Ехина:

Ведь Боранецкий ставил себя на порядок выше всех пореволюционников, которые, по его мнению, «утверждали Новую Землю, но Небо у них оставалось

старое, а, следовательно, старой оставалась и земля», третьероссы же «утверждали» «Новую Землю и Новое Небо» [14, с. 206].

В начале 1930-х гг. группа П. С. Боранецкого издала «Манифест Народников-Мессианистов». От остальных пореволюционных течений идеология этой группы отличалась ориентацией на крестьянство, антигородскими буколистическими тенденциями, сочетавшимися с последовательным технократизмом, что сильно контрастировало с архаизмом классических консерваторов, левыми пореволюционными исканиями. По мнению П. С. Боранецкого, современная техника — это магия некой, человечеством еще не осознанной новой религии — организации мира, исторических свершений, прометеевской победы и борьбы. П. С. Боранецкий даже написал специальную политологическую работу по данному вопросу — «К идее научного государства» [4]. А. Г. Гачевой совершенно справедливо отмеено: «Боранецкий нес эмиграции прометеизм первых пореволюционных лет как откровении о подлинном творчестве, как мирозозерцание будущего» [10, с. 443]. Его взгляды так можно сформулировать: человек «Третьей России» — преобразователь мира и самого себя.

В анонсе к последним номерам журнала П. С. Боранецкий так сформулировал идеологическое кредо:

Будучи последователями идеи русского мессианизма, мы, однако, отвергаем обанкротившийся традиционный «славянофильский» мессианизм базировавшийся на идеале Русского Православия. Для нас Россия — грядущая Третья Россия, — носительница нового высшего жизненного идеала, страна в творчестве обретенного «золотого века», — «грядущая Атлантида» [Завтра. 1936. № 7. С. 9].

Понять что имел в виду такой своеобразный мыслитель, как П. С. Боранецкий, можно из его программной статьи в первом номере «Утверждений» — «О русском мессианизме» [8]. Отмечая последствия катастрофы 1917 г. и экономический и политический кризис начала 1930-х гг., приведшие к тупику развития Родины, он верит в Россию и ее блистательное торжество в веках.

Общим для нас является убеждение в катастрофизме положения России, с той разницей, пожалуй, что мы в этом убеждении идем дальше; мы последовательнее, смелее. Смелее, надо думать, потому, что мы — дети этих исключительных, разверзающих все исторические ограниченности, событий, видим за мрачной завесой катастрофического положения то, что не дано видеть им, носителям взорванной и испепеленной жизни. Мы — мессианисты. Мы верим в такие возможности раскрывающиеся в судьбе России, перед которыми оторопел филистерская мысль представителей различных наших традиционных направлений [8, с. 24].

С народничеством П. С. Боранецкого и его сторонников связывает вера в русское крестьянство, в его извечно правильный взгляд на обустройство «мира». Третьероссы считали себя наследниками взглядов А. И. Герцена.

Поэтому я утверждаю, что к исполнению своего всемирно-исторического предназначения Россия может прийти лишь через свое крестьянство — свою подлинно самобытную нетронутую силами разложения упадочной цивилизации города и притом подавляющую часть своего населения. Впервые лишь теперь

раскрывается во всей своей значительности смысл Герценовской формулы: «мужик — человек будущего России». Отсюда и потому мы в известном смысле — «народники». Но мы также и мессианисты [8, с. 37].

Крестьянофилия так же оправдывалась и борьбой с ультразападничеством, которым был советский коммунизм 1920-х гг., проповедовавший антирусскую и противонациональную политику.

Ведь большевизм с его материализмом, интернационализмом, атеизмом, экономизмом и пр. — это явление нашего города, который по своему духовно-культурному существу является, пожалуй, в большей мере западничеством, чем сама западно-европейская культура. Именно поэтому мы в утверждениях об особой культурно-исторической миссии России исходим из крестьянства — этой целинной, мощно-органической, подлинно самобытно-русской стихии, свободной от того западно-европейского духовного декаданса, лишь продолжением которого на новой территории является наш город — и «буржуазный» и «пролетарский» [8, с. 32].

Народнический и наукократический мессианизм П. С. Боранецким противопоставлялся церковному мессианизму евразийцев и утвержденных и классовому, материалистически-социалистическому интернациональному большевиков, и расовому мистицизму нацистов. Духовная революция противопоставлялась христианству, в особенности «розовому», а над учением философа Н. Ф. Федорова П. С. Боранецкий откровенно издевался. При этом народничество воспринималось как русский вариант демократизма (без эсеровского социализма). Христианство с его алогией человека как божьего раба, загробной жизнью было для П. С. Боранецкого неприемлемо. Он выступал за человека-демиурга, чья жизнь и деятельность строится на науке и движет историю. Сам П. С. Боранецкий пояснял позицию журнала по этому вопросу: «Наш журнал не “антихристианский”, а просто не-христианский, как и большинство теперешних периодических изданий» [6, с. 61]. И в свою защиту приводил на четвертой странице первого номера цитату философа Д. С. Мережковского на собрании «Зеленой Лампы», посвященном первому номеру «Третьей России»:

При всей враждебности к журналу «Т.[ретья] Р.[оссия]» из-за его критического отношения к христианству и попыток исканий и творчества нового мирозерцания и жизненного идеала, тем не менее признает, что из всех новых пореволюц.[ионных] течений журнал «Т.[ретья] Р.[оссия]» — самое интересное явление [Завтра. 1932. № 1. 4 с. обл.].

Позицию национал-мессианистов лучше всего характеризует анонс седьмого номера:

В области сознания мы боремся НА ДВА ФРОНТА: против маразма современного МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО (буржуазно-марксистского) сознания, оскотинивающего и дисквалифицирующего человека, утешающего его в духовно-нравственном идиотизме и против вызываемой им реакции ТЕОЛОГИЧЕСКОГО сознания, влекущей человечество к мертвым и примитивным формам духовной жизни. — Буржуазно-марксистскому, материалистическому идеалу человека,

ЧЕЛОВЕКА-МЕЩАНИНА-ХАМА-ХУЛИГАНА, мы противопоставляем идеал Нового Человека, ЧЕЛОВЕКА-ПРОМЕТЕЯ-ПОБЕДИТЕЛЯ-ТВОРЦА-ДЕМИУРГА-ГЕРОЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ. В пределе наше миросозерцание есть миросозерцание ЧЕЛОВЕКО-БОГА; в пределе — материалистическое миросозерцание есть миросозерцание ЧЕЛОВЕКО-СКОТА [Завтра. 1936. № 7. С. 9].

Для идеологии и политической тактики национал-мессианистов важное значение имела принципиальная оборонческая позиция. В русле защиты Родины от потенциальной агрессии рассматривались многие общественно-политические вопросы. Оборончество довлело над проектами построения нового государства, решением национального вопроса в России, над отношением к нацизму А. Гитлера и над собственным «партийным» строительством. Даже критика изъянов большевистской политики носила характер обличения неспособности советской власти защитить страну. Большевизм воспринимался как болезнь, а нацизм — как смерть для страны. **«Мы же при всяких обстоятельствах предпочитаем Россию больную — России мертвой** (выделено мной. — П. Б.)» [7, с. 91].

П. С. Боранецкий еще в первом номере «Утверждений» демонстративно высказал свою позицию:

При этом мы не можем забывать того, что в этой предстоящей схватке мирового империализма и коммунизма, — врагом России является *и тот, и другой*, ибо война с коммунизмом будет прежде всего империалистической войной, а следовательно, она будет войной не только против большевиков, но и *против России*. ... Ни одним шагом, за весь страшный период нашей национальной трагедии, — хищный, корыстный мир не дал нам оснований думать иначе. Не приходится теперь сводить счеты, — но время придет, — и мы их сведем; мы напомним о крови миллионов русских людей, за которую расплатились тем, что по кускам рвали достояние несчастного народа, пользуясь временной беспомощностью его [9, с. 58].

Приведем и еще несколько доказательств. В статье четвертого номера с символическим названием «От группы Народников-Мессианистов. Против национально-исторического пораженчества», предупреждая о маниловщине пораженчества третьероссы указывают и на недопустимость падения морального уровня русского народа после поражения коммунизма.

Опаснее территориальных отторжений (все до единой пяди вернем!), мнимой возможности раздела России тот неизбежный после большевистского скотского царства дух маразма, безудержного разгула голой обывательщины и упадочничества, наплевательства на все высокое, идеальное, святое, который грозит угасить исторический гений русского народа, оставить на месте души великой нации одну омерзительную зловонную клоаку [17, с. 4].

Еще более критичен по отношению к пораженцам С. К. Бережной в статье «К врагам русского народа»:

Поэтому напрасно и те мнят себя невинными «критиками», кто «идейно» и так бескорыстно, продолжая старую смердяковскую традицию оплевывания своего народа и национального самоуничужения, фактически работают над подрывом нашего национального престижа, умаляют и чернят наш национальный гений,

дисквалифицируют нашу историю и культуру и, тем самым, льют воду на мельницу наших врагов. Эти гнусные потомки второго сына Ноя, эти слюнявые смиренники (обычно слишком смиренные в оценке своего народа, они крайне не смиренны в оценке лично себя) должны понять, что новые, наступающие теперь времена, уже не те, кто теперь уже нельзя будет, как во времена гнилого, дегенеративного царизма, безнаказанно плевать в лицо своему народу [2, с. 41].

Третьероссийский публицист Н. Николаев на страницах журнала продолжает линию обличения пораженцев, сравнивая мелкого торговца К. М. Минина и дворянчика Ю. Б. Отрепьева (расстригу Григория), приведшего интервентов на Русь, ставя проблему будущего коллабационизма-власовщины.

В новом великом Смутном времени, которое переживает Россия, и которое, по-видимому, подходит к концу, снова, как тогда, происходит борьба двух тенденций в душе Русского народа — и здесь, в эмиграции, и там, — борьба между патриотически-героическим духом Минина и предательски-пораженческим духом Гришки Отрепьева. Кто победит? И, следовательно, — возродится ли Россия в новом величии и свободе или падет, опозоренная, отдавшись в руки Вора — ставленника иноземного врага? [15, с. 35].

Сам П. С. Боранецкий еще в первом номере «Утверждений» однозначно выразил свою позицию против решительной защиты Родины:

«Таким образом, ни национал-пораженчество, ни национал-соглашательство, ни тем более преступно-пассивное национал-непротивленчество, а с Россией, через Россию, и во имя свободы и величия России. В противовес национал-пораженцам, национал-соглашателям и национал-непротивленцам, мы должны быть национал-революционерами, ибо в национальной революции скрещиваются все пути и средства Восстания к Свободе и Величию России [5, с. 58].

Оборонческая позиция была напрямую связана с анализом немецкого фашизма. Особое беспокойство обоснованно вызывали взгляды А. Гитлера и идеология его национал-социалистической партии.

Идеолог третьероссов С. Бережной специально написал работу «Немецкий гитлеризм и русская эмиграция». В ней в тезисах он показал отношение своего течения к гитлеризму и юдофобии.

«Тезис 11. Из всего состава идеологии гитлеризма нам наиболее чужда и отвратна его псевдонаучная теория расизма и вытекающие из нее позорные проявления антисемитизма, несовместимые ни с достоинством великого народа, ни с нравственно-культурным уровнем людей 20-го столетия» [3, с. 11].

Политической тактикой был призыв С. Бережного о союзе с мировым еврейством и его спасением от нацизма:

12. Но помимо решительного принципиального осуждения антисемитизма, всегда чуждого русскому народу в целом, мы не должны забывать, что больше половины мирового еврейства находится в пределах славянских стран и главным образом России. — Этот факт может стать и огромным отрицательным, и огромным положительным фактором для нас, в зависимости от практического разрешения становящегося все более актуальным еврейского вопроса [3, с. 12].

Русский же национализм в интерпретации третьероссов — всемирный, универсальный и мессианский:

13. Наша идея не расизм — этот зоологический национализм, а мессианизм: — не эгоцентрическая, а универсалистическая идея: только она совместима с вселенским духом и многонациональностью России [3, с. 12].

П. С. Боранецкий провидчески же поднимает тему немецкой славянофобии и русофобии и традиционного западного желания поживиться за счет русской земли:

Гитлеровская же Германия своих колонизаторских, захватнических планов в отношении России даже не скрывает: на этом ведь, в конце концов, построена вся ее современная внешняя политика. Она позволяет себе притом, со свойственным этой нации свиным самодовольством, третировать русский народ и все славянство «низшей расой», предназначенной как «навоз» для удобрения ее, якобы, «высшей расы». Все это общеизвестно, известно не только нам, но и всему мировому общественному мнению, так как было предметом целого ряда официальных и неофициальных выступлений и заявлений. Поэтому, когда вопреки всему этому некоторые из такого рода русских горе-фашистов, стараются «доказать», что ничего подобного нет, что Гитлер затевает поход на Россию с самыми благими и лишь антибольшевистскими намерениями, то это выходит совсем уж в духе одной русской народной поговорки: «тот ему плюет в глаза, а он твердит: Божья роса» [7, с. 89].

П. С. Боранецкий так же прекрасно показывает, что прокоммунистическое оборончество создано СССР, а крайнее пораженчество — спецслужбами III Рейха.

Из некоторых достоверных источников нам известно, что русская эмиграция сейчас повсюду находится не только под негласной, «положительно-отрицательной» обработкой большевиков, но также и гитлеровских агентов. Нам, разумеется, не о чем спорить с расистскими истериками и скоморохами: у нас с ними — мы уже писали об этом — может быть лишь один язык, язык оружия. И если понадобится, — мы не сомневаемся в том: русский народ им пообломает их хищнические клыки. Считаем лишь нужным напомнить им, что дело им придется иметь не с несчастными, опустившимися беженцами и случайными проходимцами, которых они всеу всячески обхаживают и обрабатывают, а с новыми гранитными людьми новой грядущей России, людьми огненной, революционной формации; с тем новым человеческим материалом, который вынес на себе и преодолел величайшую в мировой истории трагедию [7, с. 89].

Пророческой оказалась ирония идеолога третьероссов:

«Мы даже склонны думать, что хищный лай на Россию жадных расистских псов, есть лай на слона ничтожной моськи. Но моська не должна забывать, что лает она на слона, чтоб не рисковать далеко не безопасными для нее последствиями. Гитлеровским комедиантам мы очень рекомендуем подучить историю на этот счет, — вспомнить, в трепете державшего всю Европу Карла XII и безраздельно владевшего ею Наполеона, чтоб понять, что не им столь самонадеянно соваться в путь, на котором погибли два величайших из завоевателей» [7, с. 89].

Уничтожение российского государства не являлось открытием А. Гитлера; по мнению третьероссов, коллективный Запад давно лелеет такую мечту.

Идеолог пореволюционеров И. Дворецкий выступает с совершенной национал-большевистских позиций:

Одной из целей Германии и Австро-Венгрии в великую войну, было расчленение России. То, чего не удалось сделать врагам России, было сделано отчасти ее бывшими друзьями: значительные куски ее территории были оторваны и не для кого не секрет, что соседи России воспользуются всяким удобным случаем, чтобы расширить свои границы за ее счет, расчленив ее на ряд «независимых» государств. В случае удачи они на долго будут избавлены от страха перед Москвой и получат возможность широко распространить сферы своего влияния в этих новых образованиях [13, с. 52].

Идеолог третьероссов С. Бережной считал единственным спасением от гитлеровского вторжения союз свободных народов объединенных русским мессионизмом:

14. В форме Российских Соединенных Штатов (в духе нашего лозунга: от Российских Соединенных Штатов — к Всеславянским — к Мировым), союза государств свободных и равноправных национальностей русский народ в сотрудничестве с другими братскими народами будет творить новую культуру и формы новой высшей общественности, а не чинить угнетение, насилие и эксплуатацию, прикрываясь расовой теорией своего превосходства. Всем славянским народам настал час сделать выбор между третирующим их низшей расой немецким расизмом, грозящим их превратить в колонии и навоз и между русским мессианизмом, мессианизмом российских народов, призывающим их к сотрудничеству во всемирно-историческом Деле строительства новых высших форм культуры и общественности [3, с. 12].

Именно резко отрицательное отношение к нацизму считалось у более левых самым положительным в деятельности национал-мессианистов. Ф. А. Степун в 1932 г. на страницах «Нового Града», приветствуя появление «Третьей России», констатировал, что журнал «энергично отмежевывается от всякого фашизма и определенно становится на сторону “неодемократии”». «От духа фашизма» Ф. А. Степун признавал за журналом лишь «его тон: волевой, страстный, бодрый, иногда не только несущийся, но и заносчивый», замечая при этом, что «люди, вышедшие из революции, не могут, да пожалуй, и не должны писать иначе» [18, с. 80].

За решение национального вопроса у национал-мессианистов отвечал публицист Д. Даренко. Этой проблеме он посвятил статьи «Мессианизм и национальная проблема», «Национальный вопрос и пореволюционное сознание (К Всероссийским Соединенным Штатам)» и «Крах ленинской национальной политики. К самоубийству Скряпкина». Третьероссы прекрасно понимали, что одними обещаниями справедливого решения национального вопроса после свержения большевиков проблему не решить.

Среди основных вопросов эпохи едва-ли не главным, трагически стоящим и настоятельно требующим своего разрешения вопросом, является вопрос национальный [12, с. 23].

Д. Даренко, в отличие от представителей левой социалистической мысли, прекрасно понимал, что без решения национального вопроса нельзя стремиться к справедливому и социально равному обществу.

Значение национального вопроса тем более актуально, что всякая мечта о новом лучшем социальном устройстве человечества, о выходе его в новую, светлую и цельную эпоху из нашей катастрофической, неотвратимо должна столкнуться с националистической психологией современных народов [12, с. 24].

Критике третьероссов подвергались правый национализм и левый интернационализм:

Уродливо-односторонним решениям, национального вопроса в доктринах национализма и интернационализма нужно противопоставить новое третье решение, как выход из той безнадежной альтернативы, которую они собой представляют [12, с. 26].

В рамках своей идеологии они хотели создать синтетическую культуру, способную связать различные народы и дать человечеству пример мировой гармонии. Подлинный путь разрешения национального вопроса третьероссы видели в своем лозунге «К ВСЕРОССИЙСКИМ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ».

Больше того, идею интернационала как такового, только и возможно преодолеть, борясь за новое раскрепощение народов, в данном случае России, во имя организации их на новых началах — подлинно свободного Союза Национальных Республик (Всероссийских Соединенных Штатов) [12, с. 25].

Новый союз планировался в рамках общей «евразийской» геополитической судьбы.

Но мы также всегда утверждали, с полным сознанием всей ответственности за то, о новой исторической необходимости, — Всеобщего Сговора Народов России об их дальнейшей совместной судьбе [11, с. 56].

Национал-мессианисты признавали Россию страной не одного этноса, считали, что она создана разными народностями.

Другой публицист «Третьей России», И. Дворецкий, в статье «Факты к украинскому вопросу» считал, что компромисс с национальными окраинами можно найти только на почве децентрализации. Так же, как и крупнейший специалист по украинскому сепаратизму историк Н. И. Ульянов возлагал надежду на союз со сторонниками М. И. Драгоманова [19–22]. Но историк из второй «волны» предлагал создавать самоуправляемые губернии-штаты, а не отдельное государственное образование, как у И. Дворецкого:

Еще Драгоманов, знаменитый украинский патриот, видел главное зло не в России, как таковой, а в русском централизме. Децентрализация России и создание автономных областей, как составных частей государства — вот разрешение русского вопроса по Драгоманову. С этим согласится всякий истинный украинец и к этому нужно стремиться. Только при таком устройстве Украина сможет увидеть свой идеал Соборной Украины осуществленным. Совместно

с Великороссией и Белоруссией Украина сможет образовать великое славянское свободное государство и привлечь в состав этого государства и другие части бывшей России [13, с. 54].

Впрочем, третьероссы откровенно издевались над «мудрой ленинской национальной политикой». Д. Даренко приурочил к самоубийству одного из вождей украинских большевиков Н. А. Скрыпника статью с символическим названием «Крах ленинской национальной политики». Академик АН УССР Николай Алексеевич Скрыпник (Скрипник) (1872–1933) был наркомом внутренних дел, наркомом юстиции, образования и генеральным прокурором Украины, был одним ярких проводников украинизации и коренизации Малороссии и Новороссии. К началу 1930-х гг. в коренизация во всех республиках позорно провалилась, в условиях индустриализации выяснилось, что ученик любого учебного заведения на русском языке, знает в десять раз больше, чем выпускник аналогичной национальной образовательной структуры. Кроме того, все учреждения по коренизации стали пристанищем оппозиционных ВКП (б) элементов. Кроме репрессий против национальных структур, советская власть должна была найти виновных и из своей среды. Идеально подошли стойкие ленинцы, по-прежнему проводившие политику своего кумира. Одним из фанатиков ленинской украинизации был Н. А. Скрыпник, затравленный до самоубийства.

Д. Даренко решительно выступал против сменовеховской концепции, что советская власть продолжила дело Ивана Калиты. Он совершенно верно заметил и предсказал лейтмотив 1991 г.:

Мы всегда утверждали, что большевики, в силу многих причин, не только не «объединили Россию», но наоборот, подготовили и готовят дальше страшный взрыв ненависти у разных народов России к Москве и силы отталкивания от нее [11, с. 56].

С национальным вопросом непосредственно связана судьба русского государства. Интересно отношение третьероссов к извечной дилемме западничество — славянофильство и к третьему течению — евразийству. Национал-мессианисты одними из первых заметили, что евразийство — это западничество наоборот (т. е. восточное западничество), а классическое славянофильство XIX в. они считали идеализацией российской архаики, причем не часто иноземного происхождения.

Отрицая славянофильство, западничество и евразийство, национал-мессианисты поднимали на щит русской истории государство. Много раз цитированный С. К. Бережной даже свою статью назвал «К апофеозу государственности (О новом государстве)». Напоминая всем известную истину, что русский народ — нация государственная и олицетворением его в нашей истории является император Петр Великий.

Все сказанное косвенным образом укрепляет нас в вере в великую судьбу русского народа и в правильности того значения в его возрождении, которое мы приписываем государству. Ибо русский народ по существу своему — народ государственный. Все, что он создал великого, он создал в государстве и через государство. Даже религию свою он принял от государства и через государ-

ство ею руководил. Не случайно большевизм, зачатый анархо-коммунист. идеологией, обернулся небывалым этатизмом. Именно в отсутствии пафоса государственности — был основной порок февр. революции. Лишь невежды, не знающие нашей истории могут говорить о негосударственности русского народа. Создавший империю, превышающую размеры древнего Рима, объединивший и сплавивший свыше ста национальностей и языков — это ли безгосударственный народ!? Или убедительнее этих фактов елейная старославянофильская размазня о поповском анархизме русского народа, который действительно едва ли его не погубил, если бы не явился великий Петр — это величайшее явление нашего подлинно нац.[ионального] духа. В соответствии со всем сказанным, мы должны быть принципиальными и последовательными этатистами. Больше того, мы должны будем воспитывать и будить в нашем народе культ государственности [1, с. 10].

Этатизм третьероссов, их идеализация левиафана государства привели их лидера даже к столь модной в наши дни идеализации сталинской политики. В последнем номере журнала П. С. Боранецкий печатает статью «“Петръ Великий” или “Николай Кровавый” (Загадка Сталина)». Сравнивая лидера большевиков с царем Петром (чье имя он подчеркнуто пишет с «мужественным» твердым знаком), доказывает не только реформизм последнего, но его термидорианство.

Такова, следовательно, одна возможная сторона нашей альтернативы: Сталин — «последний (большевистский) царь», «Николай Кровавый», беспомощно-жестокий спасатель обреченного Историей режима. Но наряду с ней присутствует и другая возможная сторона этой альтернативы: Сталин — великий преобразователь, революционер сверху, автор некоего превентивного переворота, подобный Петру Великому, Иоанну Грозному, на Западе Наполеону и др. ... и закончит тот процесс государственной и национальной консолидации Русского народа, который сейчас там происходит, войдет в Историю, несмотря ни на что, в качестве второго собирателя России, ибо именно при нем закончился ленинский период распада и разбазаривания ее и начался процесс всестороннего воссоединения [9, с. 32].

Обличением же И. В. Сталина занимаются русофобы, как идеолог левого коммунизма Л. Д. Троцкой — правая рука В. И. Ленина.

«Недаром враги России, как таковой, не могут иначе говорить о нем, как с пеной у рта, И, конечно, отнюдь не из антибольшевистских побуждений: Троцкий, для которого Сталин — «фашист», «бонапартист», «ликвидатор» революции и пр. и пр., у них не вызывает таких чувств, даже совсем, наоборот... Для нас же эта ненависть врагов России к Сталину есть именно аргумент в пользу его [9, с. 32].

Евразийские, скорее антиевропейские увлечения П. С. Боранецкого привели к попытке издавать в Париже ежемесячную газету «Свершения. Орган пореволюционной мысли и пореволюционного действия» (вышел только единственный номер 8 апреля 1934 г.). Вместе с П. С. Боранецким в ее редакцию входили Д. К. Даниленко, Б. Г. Шварц (лидер софиаратов) и ведущий правый евразиец П. Н. Савицкий. В газете так же публиковались А. П. Антипов, М. М. Артемьев, известный евразиец П. Н. Савицкий (в том числе под псевдонимом В. Логовиков) и другие.

Хотя народники-мессионисты и вошли в созданное по инициативе Ю. А. Ширинского-Шихматова «Объединение Пореволуционных Течений» (ОПТ) в 1933 г., объединившее несколько карликовых организаций, уже весной того же года в противовес «Пореволуционному клубу» утвержденных П. С. Боронецким был создан «Объединенный Клуб Пореволуционных течений», в его заседаниях принимали участие третьероссы, парижская евразийская группа и всеядные новоградцы, бойкотировавшие периодику национал-мессионистов.

Благодаря своей экзотической общественно-политической философской мысли третьероссы сумели испортить отношения со всеми политическими силами Русского Зарубежья, даже со своими ближайшими союзниками пореволуционерными-утвержденцами, новоградцами и даже евразийцами. Положение осложнялось и качествами характера лидера национал-мессионистов П. С. Боронецкого — его комплексом вождя и спасителя России.

Народники-мессионисты, в противоположность всем пореволуционерам, пытавшимся соединить христианство и социализм, относились к религии очень отрицательно, с атеистических и научных позиций. Их идеалом была научная технократия. Третьероссы опровергали и любимый догмат евразийцев, что революция 1917 г. была почвенническим ответом народа на западнический курс, принятый еще Петром I. Наоборот, отсутствие духа реформ Петра Великого привел к гибели Империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережной С. К апофеозу государственности (О новом государстве) // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 6–11.
2. Бережной С. К врагам русского народа // Третья Россия. — 1938. — № 8. — С. 39–42.
3. Бережной С. Немецкий гитлеризм и русская эмиграция // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 10–12.
4. Боронецкий П. С. К идее научного государства // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 15–23.
5. Боронецкий П. Назревание событий (К вопросу о текущем моменте и общей тактической установке) // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 52–61.
6. Боронецкий П. С., [П.Б.] На полемическом фронте // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 58–62.
7. Боронецкий П. С., [П.Б.] О героической ориентации и русском национальном достоинстве // Третья Россия. — 1934. — № 6. — С. 88–92.
8. Боронецкий П. С. О русском мессианизме // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 22–37.
9. Боронецкий П. «Петръ Великий» или «Николай Кровавый». (Загадка Сталина) // Третья Россия. — 1939. — № 9. — С. 29–34.
10. В поисках синтеза: Пореволуционные течения русской эмиграции 1920–1930-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Г. Гачевой // Диаспора VII: Нов. материалы. — Париж; СПб., 2005. — С. 437–487.
11. Даренко Д. Крах ленинской национальной политики. К самоубийству Скрыпника // Третья Россия. — 1933. — № 3. — С. 55–56.

12. Даренко Д. Национальный вопрос и пореволюционное сознание (К Всероссийским Соединен. Штатам) // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 23–25.
13. Дворецкий И. Факты к украинскому вопросу // Третья Россия. — 1934. — № 4–5. — С. 52–54.
14. Ёхина Н. А. Молодая эмиграция в поисках новой России: П. С. Боронецкий и евразийство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. — М., 2014. — С. 198–208.
15. Николаев Н. Минин или Гришка Отрепьев // Третья Россия. — 1939. — № 9. — С. 35.
16. От группы Народников-Мессианистов // Третья Россия. — 1932. — № 1. — С. 3–16.
17. От гр. Народников-Мессианистов. Против нац.-историч. пораженчества // Третья Россия. — 1932. — № 2. — С. 3–5.
18. Степун Ф. «Третья Россия» // Новый Град. — 1932. — № 3. — С. 80–83.
19. Ульянов Н. И. На Драгомановские темы // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1963. 9 июня. — С. 2.
20. Ульянов Н. И. Об одном проекте разрешения национального вопроса в России // На темы русские и общие: Сб. в честь проф. Н. С. Тимашева. — Нью-Йорк, 1965. — С. 297–304.
21. Ульянов Н. И. Один из забытых // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1963. 26 мая. — С. 2–3.
22. Ульянов Н. И. Один из забытых // Спуск флага. — New Haven, 1979. — С. 99–121.